

КОРОЛЕВА
мистического
РОМАНА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

Ничего личного
Беги, ведьма!
Ведьмин круг
Не буди ведьму
Хозяйка колодца
Утопленница, или Третий ключ
Дом у Чертова озера
Вечность, или Пепел феникса
Невеста, или Волчья кровь
Ночь, или Слеза ангела
Гостья, или Печать василиска
Колдунья, или Проклятый дар
Призраки, или Музы дождливого парка
Ловушка, или Самая темная ночь
Дежавю, или Час перед рассветом
Паломница, или Ведьмин клад
Смертельное танго
Ты, я и Париж
Избранница, или Судьба № 5
Найденыш, или Хрустальное сердце
Миллионер из подворотни
Мужчины не плачут
Ева, или Паутина чужих желаний

ЦИКЛ «ТАЙНЫ СТАРОГО ПОМЕСТЬЯ»

Девушка с серебряной кровью
Приди в мои сны
Сердце зверя
Проклятое наследство
Змеевы дочери

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

Не
Будь
ведьму

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
К69

Художественное оформление *П. Петрова*

Корсакова, Татьяна.

К69 Не буди ведьму : роман / Татьяна Корсакова. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-097994-3

За ней охотились, загоняя, точно глупую дичь. Убийца уже дышал в спину, а от смерти отделяла лишь тонкая грань. И тогда Арина стала ведьмой. Она приняла колдовской дар только для того, чтобы выжить. Вот только никто не предупредил, насколько ей будет нелегко. Но переигрывать уже поздно — магические силы проснулись...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097994-3

© Корсакова Т., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

*Моим родителям
с любовью и благодарностью*

Уже третьи сутки город тонул в тумане. До обеда — серая мгла, после — мелкий холодный дождь. И еще неизвестно, что противнее — первое или второе. Арина выглянула в окно, поежилась. Она любила лето, но в этом году лето, похоже, не задалось. Во всяком случае, последнее время Арине начало казаться, что оно ушло безвозвратно, а цветущий в палисаднике куст жасмина — это так... отголосок и артефакт. Нет никакого лета, вместо него есть туман — густой, непроглядный, бередящий и без того беспокойную душу.

За спиной вдруг заскрежетало и защелкало, Арина испуганно вздрогнула и чертыхнулась. Часы с кукушкой, висящие в красном углу, как икона, по-стариковски хрипло и дребезжаще «прокуковали» семь раз. Значит, там, за покрытым мельчайшими капельками тумана стеклом, наступило полноценное утро.

Часы достались Арине в нагрузку к старому дому на окраине Дымного Лога, провинциального городка, который и городом-то можно было назвать лишь с очень большой натяжкой. Дымный Лог состоял из притулившихся на взгорках и притаившихся в оврагах домишек. Благопристойные яблоневые и вишневые сады здесь мирно сосед-

ствовали с одичавшими, кое-где сливающимися в сплошные джунгли кустами сирени и жасмина. На холмах садов было больше. Они окружали крепкие и еще вполне презентабельные домики из красного кирпича, а кусты сирени затеняли и без того мрачные лощины, пряча от посторонних взглядов ветхие деревянные избушки с мутными окнами, покосившимися заборами и палисадниками.

Как-то так повелось, что Дымный Лог сами жители поделили на Верхний и Нижний. В Верхнем сосредоточилась вся политическая и культурная жизнь городка: мэрия, универмаг, кинотеатр, финансово-экономический колледж, одна из двух школ, салон красоты. Там, посреди мощенной красным камнем площади, вздымался на задние лапы бронзовый медведь, символ Дымного Лога. Почему именно медведь, Арина так и не поняла. Соседка баба Глаша, которой, по неподтвержденным данным, в следующем году должно было исполниться девяносто лет и которая считала себя хранительницей культурного наследия города, слыхом не слыхивала о том, что в округе хоть когда-то, хоть в стародавние времена, водились медведи. Зато слыхивала про промышленника Медведева, владевшего в дореволюционное время всем имевшимся в округе производством. Но какое отношение к этому факту имела статуя бронзового медведя, даже баба Глаша объяснить не бралась.

Там же, на площади, между мэрией и банком, словно прячась от посторонних глаз под сенью старых лип, притаился двухэтажный особняк с колоннами, по сведениям, полученным из того же компетентного источника, некогда принадлежавший все тому же промышленнику Медведеву. С тех времен утекло много воды, в особняке по-

очередно организовывали то клуб, то почту, то городской архив. Пережив не одно поколение, ветшая из года в год, старый дом умирал и умер бы окончательно, если бы в один прекрасный момент на него не обратила свой пристальный взор Евгения Станиславовна Кравцова, жена городского головы и первая леди города. Одного лишь заинтересованного взгляда хватило, чтобы у медведевского особняка появились вторая жизнь и новая хозяйка.

Реставрационные работы шли около полугода, а потом горожанам был явлен «Салон». Так скромно и без затей Евгения Станиславовна окрестила свое детище, которое оказалось отнюдь не косметическим, как думалось многим, а литературным салоном. Вот такие чудеса! Вот такая блажь первой леди города! А все потому, что Евгения Станиславовна получила образование самое что ни на есть интеллигентное — филологическое, а душу имела тонкую и трепетную, тянущуюся к прекрасному и готовую щедро делиться прекрасным с окружающими. А еще первая леди города была самой настоящей писательницей. Одно из крупнейших столичных издательств выпустило три ее книги и собиралось напечатать четвертую. Рекламой будущей новинки был заполнен весь Дымный Лог. Книга и высокохудожественный портрет писательницы красовались на единственном на весь город билборде, их же каждые три часа показывали по недавно открытому кабельному каналу. В рекламе роман скромно именовался бестселлером, а его автор — звездой отечественного детектива. Злые языки шептались, что издание книг, всех трех, проплачено из городской казны мэром Кравцовым и что детективы за первую леди пишет команда сту-

дентов литературного института, но даже злопыхатели признавали их читабельными и «вполне себе нормальными для бабской писанины».

Впрочем, что бы там ни говорили о литературном таланте Евгении Станиславовны, а коммерческий дар за ней признавал почти каждый. Ее «Салон» лишь первые пару месяцев считался блажью бесящейся с жиру дамочки, но время показало, что даже такая бесперспективная в коммерческом плане вещь, как культура, может приносить дивиденды.

На первом этаже «Салона» Евгения Станиславовна устроила литературное кафе, в котором не чуждые прекрасному горожане могли совместить приятное с полезным: за чашечкой кофе полистать томик Блока, освежить в памяти «Мастера и Маргариту» или, при недостаточно развитом вкусе, ограничиться чем-нибудь из мейнстрима. Книжки в творческом, тщательно продуманном беспорядке лежали прямо на открытых полках, а особо ценные экземпляры хранились за стеклом в антикварном дубовом шкафу, доступ к которому имели лишь постоянные посетители. Господам же, которые собственное время ценили превыше всего, предлагалась стойка со свежей прессой. Пресса в литкафе и в самом деле была наисвежайшей, ее каждое утро доставляли из областного центра сначала в «Салон», а уж только потом — в газетные киоски и на почту. А для самых молодых и нетерпеливых имелось несколько компьютерных столиков со скоростным вай-фаем. Почему-то только здесь Интернет был быстрый и бесперебойный. Наверное, поэтому компьютерные столики почти никогда не пустовали.

Кухня в литкафе тоже была отличная. Не сказать, что слишком бюджетная, но вполне доступ-

ная и банковским клеркам, и сотрудникам мэрии, и кое-кому из студентов финансово-экономического колледжа. В летнее же время основными посетителями кафе становились отдыхающие из Веснянки, ближайшего к Дымному Логу дачного поселка. Веснянка своими размерами уже не уступала городу, а презентабельностью и размахом превосходила в разы. Здесь, на живописном речном берегу, уже лет десять как обосновались залетные господа из области. Некоторые из них жили в поселке почти круглогодично и регулярно вносили свою скромную лепту в развитие Дымного Лога в общем и «Салона» в частности.

Помимо кафе, на первом этаже особняка с колоннами располагалась галерея, в которой регулярно что-то выставлялось: то работы городских художников, то экзотические цветы скучающих дачниц, то частные коллекции их вечно занятых мужей, то предметы народного промысла, добытые у бабушек из Нижнего Лога. Однажды из области привозили экспозицию старинных икон, и две недели в галерее дежурил самый настоящий охранник с пистолетом, наручниками и рацией. Но чаще всего здесь случались литературные чтения для узкого круга избранных с шампанским и бутербродами с красной икрой, с интеллигентными спорами о судьбах отечественной литературы и с декламацией собственных произведений. Считалось, что Евгения Станиславовна имеет неограниченное влияние на супруга, поэтому попасть в литературный клуб стремились многие, начиная с городских чиновников и заканчивая бизнесменами мелкой и средней руки. Евгения Станиславовна и тут не растерялась: неофитов принимали в клуб не только по рекомендациям, но и после

внесения в клубную казну весьма приличных по местным меркам членских взносов. Библиофилы не скупилась, и «Салон» процветал едва ли не с первого дня своего существования.

Весь второй этаж занимал рабочий офис хозяйки. Здесь же, в огромном, декорированном в сдержанной английской манере кабинете, за внушительным столом красного дерева, она творила. Каждый будний день с десяти утра до трех дня. Ровно в три ей подавали кофе со сливками и фирменными шоколадными круассанами, и рабочий день звезды российского детектива на этом обычно заканчивался.

Все эти тонкости бизнеса и быта первой леди Арина знала, как никто другой, потому что вот уже почти год являлась управляющей «Салоном». Ее рабочее время, в отличие от Евгении Станиславовны, начиналось в половине восьмого утра и заканчивалось в пять вечера, а в особые дни открытия выставок и презентаций — так и вовсе ближе к полуночи. Арина не роптала, сверхурочные оплачивались по двойному тарифу, на премии и надбавки хозяйка не скупилась, и в итоге выходила весьма приличная по городским меркам зарплата. Зарплаты этой хватило на то, чтобы купить подержанный скутер, на котором девушка частенько ездила на работу, и, наверное, хватило бы на то, чтобы снять приличное жилье в Верхнем Логе, возможно, даже в новенькой кирпичной пятиэтажке, но с переездом Арина все медлила. В тишине и обособленности Нижнего Лога была своя прелесть. Да и соседки ей достались хорошие: хоть древняя, но еще ого какая активная баба Глаша, хоть подружка Ирка. Ради такого соседства можно было перетерпеть и бытовую не-

устроенность: по-летнему теплые батареи зимой, перебои с электричеством, полудохлый Интернет и ненавистные часы с кукушкой, наследие хозяйки старого, давно предназначенного под снос домика.

Про то, что весь частный сектор в Нижнем Логе вот-вот пойдет под снос, говорили уже последние лет пятнадцать. Старые хибары снесут, а жильцам-долготерпцам дадут квартиры в верхнеложских новостройках. Соседская наивность и вера в светлое будущее Арину иногда умиляли, но чаще злили до зубовного скрежета. Даже ее не слишком богатого жизненного опыта хватало, чтобы понять: в таких городках, как Дымный Лог, перемены не случаются не десятилетиями даже, а столетиями. И ждать, что вот-вот наступит светлое будущее, по меньшей мере глупо.

Думая о перспективах обитателей Нижнего Лога, Арина продолжала с тоской смотреть в затянутое серой пеленой окно. Вот такими туманными и унылыми днями ей особенно сильно хотелось наплевать на покой и уединенность и снять квартиру в новостройке.

За окном промелькнула тень, а потом к мокрому стеклу прижались чьи-то ладони. Арина ойкнула от неожиданности, отшатнулась.

— Ау! Есть кто живой?! — послышался с той стороны замогильный глас. — Это я — туманная чучундра! Пришла по ваши души!

От сердца отлегло, и дыхание из испуганно-сбивчивого сделалось ровным.

— Уже иду! — крикнула Арина, сдергивая со спинки стула свою сумку.

Туманная чучундра, в миру Ирка Лебедева, в нетерпении пританцовывала на крылечке. Под ее

ногами сорок первого размера старые доски угрожающе поскрипывали.

— Видишь, гадость какая?! — не здороваясь, сказала Ирка и кивнула куда-то в сторону, где в тумане была едва различима калитка. — Как в Лондоне.

Подруга притопнула ногой и поплотнее запахла на пышной груди вязаную кофту.

— Пожалуй, у нас покруче будет, — не согласилась Арина, запирая дверь. — Это всегда так? — Через плечо она оглянулась на подругу.

— Туманы? — переспросила та. — Ну, бывает, конечно, но чтобы вот так... от рассвета до заката, не припомню.

Укутанный туманом, словно целлофаном, спрятанный от человеческих глаз, Нижний Лог казался зачарованным царством, передвигаться по которому приходилось едва ли не на ощупь. Оставалось радоваться, что скутер остался дома, а на их улочке нет оживленного автомобильного движения. А то и до беды недалеко при такой-то видимости. Вот и Ирка идет в метре, а слышен только голос:

— У меня сегодня ночное дежурство на «Скорой», так что в магазин для бабы Глаши ты сама сходи. Лады?

Это была их неписаная обязанность — ходить в магазин для бабы Глаши. Вообще-то ей полагалась помощница из собеса, но в собесе с сотрудниками было туго, и вместо помощницы бабе Глаше достались пионеры. Водились в Дымном Логe и такие. Пионеры, не в меру шумные, не в меру энергичные, в горячем желании «осчастливить бабушку» зашли слишком далеко: в огороде вместе с сорняками выпололи всю картошку, хлеба накупили на месяц вперед и уже намеревались «навести в доме

чистоту», когда пришедшая наконец в себя баба Глаша прогнала их прочь. С тех самых пор от помощи она отказывалась, с домом и огородом кое-как управлялась сама, а Ирке и Арине, ближайшим соседкам, доверяла лишь поход в магазин.

— Как обычно? — спросила Арина скорее для проформы, потому что баба Глаша своим привычкам никогда не изменяла.

— Карамелек купи граммов двести-триста. Я смотрела, они у нее уже почти закончились.

Карамельки — любимое бабы-Глашино лакомство, они покупали по собственной инициативе за собственные деньги. От любых других гостинцев старушка отказывалась, потому как «пенсию получает и может себе позволить что хошь». Может, но не хочет.

В Верхний Лог из Нижнего можно было попасть двумя путями: прямым — коротким и окружным — длинным. По длинному пути, старой ухабистой дороге, обычно ездили машины. А короткий, узкую, круто взбирающуюся вверх тропинку, использовали пешеходы. Если Арина добиралась до работы на скутере, то пользовалась дорогой, а когда шла пешком, как сегодня с Ирккой, — выбирала тропинку, убегающую прямо в буйные заросли сирени, жасмина и еще какой-то неопознанной растительности. Здесь же, у самого основания холма, у истока тропинки, в зарослях вездесущей сирени едва различимым призраком стоял дом, который в Нижнем Логе знали все от мала до велика. О доме этом, как и о его хозяине, говорили всегда шепотом, а часть тропинки у покосившейся калитки пройти старались быстро, не оглядываясь.

В старом доме жил Сказочник. Говорили, что он даже старше бабы Глаши, что живет у подно-

жия холма с незапамятных времен, что данных о нем нет ни в одной городской конторе, даже в бесе, что Сказочником никто не интересуется, потому что он не хочет, чтобы им интересовались.

— Отвел глаза, окаянный, — говорила баба Глаша со злостью и каким-то непонятным Арине чувством. — Он такой... как захочет, так и будет.

— Что захочет? — хором спрашивали Ирка с Ариной.

— А все! Хоть дурное, хоть доброе. Ему без разницы.

— От плохого до хорошего? — всякий раз уточняла Арина.

Баба Глаша глядела на нее долгим взглядом, подслеповато щурясь и раздумчиво качая головой, а потом отвечала:

— Ведьмак он. Ведьмин сын, по-нашему. Ясно тебе, девка?

Про ведьмаков Арина читала только в книжках, а в глаза ни одного не видела. Ей было любопытно, но совсем не ясно.

— А за домом его сразу старое кладбище, — вздыхала баба Глаша. — Сейчас там уже и не хоронят никого, а раньше — так, считай, каждый день. И он, ведьмин сын, там у самого кладбища и живет, потому что мертвые ему милее живых. Все, девки! — Она сердито замахивалась на них с Иркой полотенцем, словно они были назойливыми мухами, и добавляла веско: — Сказочника обходите стороной. И дом его проклятуший тоже обходите. Целее будете.

Они и обходили. Мимо старого дома пробегали не оглядываясь и ни разу — вот совсем никогда! — не видели его хозяина, лишь слышали пару раз из-за забора грозное и неприветливое рычание. Ска-

зочник жил не один, его покой охранял огромный черный пес. У пса была свалывшаяся шерсть, лобастая — ну точно волчья! — башка и тяжелый взгляд исподлобья, совсем не собачий, почти человеческий. Пса этого Ирка боялась едва ли не больше, чем его хозяина, ведьминого сына, говорила, что он «вот сто процентов бешеный!» и что если цапнет, то придется колоть уколы в живот. Ирка работала анестезиологом в городской больнице, подрабатывала на «Скорой» и в уколах разбиралась, поэтому у Арины не было оснований ей не верить.

Туман, казалось, сгущался. Или просто здесь, в низине, он был особенно концентрированным, только Арина вдруг пожалела, что они не пошли длинной дорогой. Ну и что, что дальше в два раза! Зато просторнее и не так жутко. Она уже было открыла рот, чтобы предложить подруге вернуться, как из тумана, откуда-то из кустов сирени, раздался не то вздох, не то всхлип.

— Ой! — сказала Ирка, застыв как вкопанная и схватив Арину за рукав кардигана. — Ой, кто там?

— Сейчас посмотрим. — Ей не хотелось смотреть, не хотелось продираться сквозь туман и мокрые кусты, но вдруг там человек и ему нужна помощь!

— Я с тобой! — Ирка решительно, хоть и с явной неохотой, двинулась следом. В руке ее Арина успела разглядеть складной зонтик, который подруга сжимала как дубинку. — Не лезь без меня, Аринка! Да обожди ты!

Она не ошиблась в своих предположениях. Ну, почти не ошиблась. Тому, кто лежал в высокой, с самой весны не кошенной траве, на самом деле была нужна помощь. Вот только это был не человек...